

O.A. Bursina

TYPICAL FEATURES OF HYPERNYM-HYPONYM RELATIONS IN TERMINOLOGIES (BASED ON THE EXAMPLE OF SOCIAL WORK TERMINOLOGY IN MODERN ENGLISH)

The aim of the article is to observe the peculiarities of typical relations between hyponyms and hypernyms in terminologies. Modern social work terminology is taken as an example in the research. Hypernym-hyponym relations are considered to be regular and desirable in terminologies. The relations of superordination, subordination and equality are translated with the help of hyponyms and hypernyms, and cohyponyms respectively. Due to such relations there are hypernym-hyponym groups of terms in terminologies: chain-like, radial and complex term groups (with the features of chain-like and radial ones). On the one hand, the meaning of the hypernym is general and includes the meanings of all possible hyponyms. On the other hand, this general meaning is specified in the meanings of all the hyponyms. So, one hypernym can have many hyponyms depending on how many its semantic components can be specified in their special meanings. In spite of the fact that the hypernym has a general meaning the number of its semantic components is smaller in comparison with the hyponyms which can add some specific characteristics.

Terminology, hyponym, hypernym, hypernym-hyponym groups of terms, word meaning.

УДК 81'42

В.А. Бурцев

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

СЛУШАЮЩИЕ И РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Исследование осуществляется в рамках выполнения научно-методических работ, включенных в государственное задание Министерства образования и науки Российской Федерации в 2015 году

Данная статья посвящена способам интерпретации высказывания с точки зрения говорящего и адресата религиозного дискурса. В работе выявляется репертуар иллокутивных речевых актов, адресованных участникам религиозной коммуникации; определяется понятие приемлемости высказывания на уровне дискурса, проводится анализ ролевых статусов участников коммуникации в ситуации произнесения православной проповеди. Вопреки широко распространенному мнению о субъективности речевого акта, в описание иллокутивного значения высказывания привлекаются понятия контекста, говорящего и адресата, которые лежат в рамках конвенций и социальных норм и не связаны с конкретными прагматическими условиями употребления языка. Показано, что имеются речевые акты, направленные не на отдельных коммуникантов, а на участников ситуации общения всех вместе. В статье подчеркивается еще один важный момент: в дискурсе может быть стерто иллокутивное различие между предложениями с пропозициональными и непропозициональными значениями.

Адресат, говорящий, дискурс, коммуникация, субъективность высказывания, речевой акт, иллокутивное значение, православная проповедь.

1. Введение

Проблему слушающих и речевых актов в дискурсе можно представить как часть более широкой проблемы субъективности в языке. Исследуя ее в этом плане, следовало бы рассмотреть все средства, которыми выражается категория слушателя/адресата. Сюда относятся, в частности, обращения, местоимения, имена собственные, типы иллокутивных актов (приказы, команды, просьбы) и др. Этот подход предполагает выявление зависимости субъективности высказывания (как части его значения) от модели адресата,

которую говорящий строит в канонической коммуникативной ситуации¹. Высказывания из примеров (1)–(3) показывают данную зависимость. В примерах из (1) это, прежде всего, реплики, выражающие эмоциональную реакцию на полученное сообщение; в примерах из (2) предложения с обращениями; в примере (3) совершенный вид императива, который в

¹ Каноническая, «полноценная» [17, с. 269], коммуникативная ситуация предполагает говорящего и синхронного слушателя, контекст «здесь и сейчас».

данном случае, как отмечено в [17, с. 74], используется говорящим для «обоснования собственной нужды».

(1) *Не тебе это говорить. Чья бы корова мычала, а твоя молчала. Что ты, что твой верблюду².*

(2) *Москва едина, на колена, Унав, перед тобой стоит, Власы седые простирает, тебя, Богиня, ожидает, К тебе единой вопия... (М. Ломоносов). Лизанька, мы не поедем; Что ты, мать моя? Глуха что ли! (А. Пушкин).*

(3) *Сдайте домашние тетради.*

Однако есть примеры, в частности такие, как (4), когда информация отнесена к адресату и он назван говорящим, но прагматическая форма проявления адресата отсутствует.

(4) *Образ Божий в этих христианах изглаждает все больше и больше. Многие очень мало думают о времени. У других крещенных, хотя и есть желание облечься во Христа, но желание весьма слабое [5, с. 66].*

В (4) адресаты названы (*эти христиане, многие, другие крещенные*), но без всякой прагматической параметризации и индивидуализации. Примеры (5)–(8), аналогичные (4), показывают, что в любом типе текста, очевидно, возможны подобные «исключения».

(5) *В этой вашей трахнутой Америке многие думают, что просто так гуляют, а между тем все под наблюдением (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)) [13].*

(6) *Каждый из нас сам по себе, повинуюсь только природному инстинкту, выполняет вполне определенный круг обязанностей (Сочинение девочки по биологии (2003)) [13].*

Примеры (4)–(6) ставят под сомнение исключительность тезиса (который в свете теории субъективности высказывания по необходимости лежит в основе исследования категории адресата) о том, что существует только прагматическая, интенционально-субъективная, зависимость между категориями говорящего и адресата. Мы хотели бы показать, что в дискурсе формальные проявления адресатов не связаны с прагматическими правилами, свойственными канонической коммуникативной ситуации, и что имеются другие правила, которыми регулируется речевая деятельность говорящего при обращении к слушателям. Так, мы считаем, что в высказываниях типа (4) мнение говорящего относительно того, как он должен вести себя по отношению к слушателям, никак не связано с конкретными прагматическими условиями употребления данного предложения. Говорящий не может здесь выполнить свои обязанности по осуществлению иллокутивных актов, не опираясь на те из них, которые рассчитаны на информирование как адресата, так и всякого, кто слышит или может слышать и даже читает данное высказывание.

В настоящей статье сделана попытка показать, что, во-первых, существование таких иллокутивных актов предопределено особенностями использования языка, когда он употребляется для выражения особой идеологии; во-вторых, в предмет изучения категории адресата справедливо включить некоторые логические параметры организации высказывания, в частно-

сти те, которые связаны с выражением отношения говорящего (как пользователя языка для выражения особой идеологии) к высказываемой им пропозиции. Между тем «пресуппозиция адресата» [1, с. 358] является отправной точкой исследования. Поэтому в качестве объекта рассмотрения в данной статье выбраны языковые средства, типичные для грамматических проявлений категории адресата: прежде всего это обращения. Помимо них для анализа привлекаются языковые средства, открывающие, как представляется, доступ к определению сферы действия высказываний лишь на те категории слушающих, к которым конкретно обращена речь. Такими средствами являются, с нашей точки зрения, предложения с кванторами, долженствующие и изъяснительные предложения.

Ввиду сказанного нас прежде всего интересует, какую роль слушающего выбирает говорящий, конструируя свои высказывания при употреблении языка для выражения особой картины мира? Нас также интересует, является ли этот выбор произвольным, т.е. обусловленным субъективной деятельностью автора речи, или этот выбор – результат ограничительного действия правил, которые таковы, что исключают говорящего из механизма акта высказывания, отвечающего за соотносительность высказывания с выражаемой им картиной мира?

Материалом в данной работе служат тексты русской православной проповеди, особенности языка которых мы рассматриваем как дискурс. Под дискурсом понимается особая подсистема (подъязык) внутри системы общенародного языка, используемая для выражения особой ментальности и особой идеологии [19], [18]. «Дискурс – это “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей “грамматики” и своего “лексикона”, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – “возможный (альтернативный) мир” в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из “возможных миров”. Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса “Язык – дом духа” и, в известной мере, тезиса “Язык – дом бытия» [19, с. 43–44].

В пункте 2 укажем основные результаты исследований роли слушающих в религиозной сфере общения; в пункте 3 будет описана процедура анализа категории адресата в данной работе; в пункте 4 приведены результаты исследования по предлагаемой процедуре.

2. Адресат текстов церковно-религиозного стиля и религиозного дискурса

Адресат (слушающий, получатель речи, рецептор, интерпретатор, декодирующий, собеседник, аудитория) – это второй (пассивный) участник коммуникации [1, с. 358]. Пока мы рассматриваем понятие адре-

² Примеры из: [1, с. 360].

сата как родовое для всех возможных ролей второго участника коммуникации. Примеры (7) с обращением и (8) с местоимением являются типичными для иллюстрации того, как в проповеди говорящий строит лексическую структуру своего высказывания, представляя тип слушателей.

(7) *Дорогие во Христе братья и сестры! Чистота сердца, достигаемая покаянием, есть основа основ христианской жизни* [4, с. 42].

(8) *Но спасающей Премудростью Божией, всепрощающей любовью Господней даровано нам покаяние* [4, с. 13].

На наш взгляд, употребление стандартных, типовых обращений и местоимения *Мы* в проповедях является основным формальным признаком, в силу которого в литературе выдвигается общий тезис о том, что адресация текстов, принадлежащих церковно-религиозному стилю, рассчитана на обобщенного (массового, коллективного) адресата [11]. Этот тезис подтверждается и в том случае, когда модель адресата строится исходя из коммуникативно-дискурсивной роли слушающих в коммуникации (например верующие/атеисты) [2].

Однако ни стилистический подход, ни сугубо коммуникативный не способны учесть специфический перлокутивный эффект адресации высказывания в дискурсе, благодаря которому ответственность за принятие пресуппозиций высказывания ложится на **ЛЮБОГО** слушателя, кто бы в действительности им ни был. В настоящей статье мы показываем, что этот эффект наблюдается в дискурсе (русской православной проповеди) и не наблюдается, если за текстами стоит только стиль и нет дискурса.

3. Коммуникативные роли адресата в канонической коммуникации

Важно подчеркнуть, что во всех подходах объяснение семантики высказывания в связи с фигурой адресата заключается в том, что адресованное высказывание рассматривается как субъективно квалифицированное утверждение, которым говорящий показывает свое отношение к адресату. Для канонической коммуникативной ситуации это представляется бесспорным. Однако мы против того, чтобы использовать интенционалистский подход к описанию категории адресата в проповеди. Характерное свойство высказываний в дискурсе составляет то, что их производство не зависит от реальных условий протекания ситуации, которые в подлинной коммуникации служат мотивом речевой деятельности. Примеры (1)–(3) иллюстрируют результаты речевой деятельности говорящего по построению адресованных высказываний в условиях подлинной коммуникации. Между тем в проповедях нет даже конструкций, кроме императива, подобных конструкциям в (1)–(3). В очень значительной части адресованных высказываний в проповеди в качестве номинаций адресата используются кванторные слова (*всякий, все, любой, каждый* и др.).

(9) *На суде Божиим, который сотворит Господь во втором Своем пришествии, каждый получит заслуженное* [4, с. 10].

В предложениях типа (9) имя адресата никак не связано с его прагматическим, окказиональным, ос-

мыслием говорящим, что обусловлено, как мы полагаем, редуцированным характером информационной структуры кванторов: они не могут сообщать индивидуализированную информацию об объекте. Кванторный характер местоимения из (9) показывает глубинная структура, в которой предикативная группа с кванторным словом парафразирована (как предложено в [15] для описания семантики кванторных слов) в сложное предложение с предикативным квантором (выделена шрифтом).

(9a) *Для всякого человека верно, что на суде Божиим он получит заслуженное.*

В целом, такие факты подтверждают вывод об обобщенном характере адресата религиозного стиля и религиозного дискурса, но вопрос о том, являются ли такие высказывания субъективно квалифицированными в отношении адресата, остается открытым. Для того чтобы ответить на этот вопрос, предлагается следующая процедура исследования. Во-первых, необходимо определить коммуникативную роль, которая отводится говорящим аудитории (так делали все, кто рассматривал роль второго участника коммуникации в том или ином виде коммуникации, например [9], на чью работу мы в основном опираемся далее). Во-вторых, необходимо рассмотреть средства конструирования адресованных высказываний в дискурсе проповеди.

Для определения коммуникативной роли адресата используем классификацию адресатов, предложенную в [9]. Согласно указанной статье в акте коммуникации могут участвовать поодиночке или одновременно **слушающие, участники и адресаты**. Слушающие определяются как случайные слушатели, которых говорящий не намеревался включить в число участников речевого акта. Это просто свидетели иллюкутивного акта, который им не адресован. Например, А разговаривает с Б, но это слышит также и С, который случайно оказался свидетелем разговора. Участники – тип слушающих, которые не являются адресатами именно данного речевого акта, но они также участники разговора, и им могут быть адресованы другие речевые акты в рамках этого разговора. Например, А разговаривает и с Б, и с С, но в данный момент он сообщает информацию, которая касается только Б. Адресаты – это такие участники, по отношению к которым в высказывании употребляется или может быть употреблено обращение.

В качестве средств конструирования адресованных высказываний в дискурсе проповеди мы рассматриваем контекст (как средство регуляции иллюкутивной силы адресованного высказывания) и обращения (как лексико-грамматические средства конструирования фигуры адресата в структуре высказывания).

4. Коммуникативная роль адресата в дискурсе проповеди

Согласно определению, если высказывание содержит обращение, то оно служит формальным основанием, чтобы рассматривать коммуникативную роль второго участника как роль адресата. Исходя из этого, примеры типа (10) – это высказывания, интерпретатором которых должен быть адресат, а не слушающий или участник коммуникации.

(10) **Возлюбленные во Христе братья и сестры,** Господь наш Иисус Христос приходил на землю, учил людей добру и истине, даровал нам Свое Евангелие, явил пример Свое жизни и обещал не оставлять нас сиротами без помощи и наставления... [8, с. 11].

Если следовать исключительно формальным признакам, то в подавляющем большинстве текстов проповедей говорящий представляет аудиторию как адресата. Дополнительным свидетельством в пользу этого вывода является ко-текст³ обращений. Средства ко-текста – это элементы эгоцентрической речи. В (11)–(13) ко-текст выделен шрифтом.

(11) **Сегодня, дорогие мои, мы прославляем святого благоверного великого князя Александра Невского** [14, с. 33].

(12) **Наступает новый год.** Опять начинается новый счет дней с 1 января. Не правда, ли, дорогие мои, время, по образному сравнению св. Григория Богослова, это постоянно льющийся поток, который истекает из вечности и втекает в нее [14, с. 72].

(13) **Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Возлюбленные о Господе братья и сестры! Великий Четверг...** День особенный... [4, с. 808].

В примере (11) средством актуализации высказывания является наречие времени *сегодня*; в примерах в (12)–(13) – функционально подобные номинативные единицы, называющие повод произнесения проповеди (память великого князя Александра Невского, Новый год, Великий четверг).

Если высказывания с обращениями в проповеди – это высказывания, принадлежащие эгоцентрической речи, то по свойствам адресованных высказываний они не должны отличаться от актуализованных высказываний, которые употребляются в других сферах коммуникации. Например, высказывание

(14) **Дети, закройте окно**

не должно отличаться от высказывания

(15) **Братья и сестры, призываю вас в этот священный день усугубить свою молитву.**

То есть оба они должны иметь своим объектом адресата, а не участника и слушающего. Однако высказывание (15) и все другие из проповеди в сравнении их с разговорными или, например, художественными отличаются и типом адресата, и условиями производства (ситуативно актуализованное / ситуативно неактуализованное (дискурсное)).

Как показано в [9], в целях выявления сферы действия высказывания (на участника или адресата), релевантными оказываются его речеактовые свойства. Поэтому можно учитывать способность некоторых предложений использоваться в качестве определенных иллокутивных актов (применительно к адресованным высказываниям – в качестве условных). Примеры (16)–(17) из [9] иллюстрируют это положение. Высказывание (17) может быть рассмотрено как эквивалентное (16).

(16) Джордж (Алистеру и Фергусу): *Тот, кто будет уходить последним, выключите свет.*

(17) Джордж (Алистеру и Фергусу): *Если вы окажетесь последними из тех, кто будет уходить, выключите свет* [9, с. 304].

Авторский комментарий таков: «Здесь и Алистер и Фергус являлись бы адресатами, но просьба имела бы отношение к тому, кто действительно уйдет последним» [9, с. 304].

Методом условного анализа (см. пример (17)) были проанализированы предложения типа (18). Мы в принципе ничего не изменили в методике, кроме того, что, вместо придаточного исходного предложения, в качестве условной предикативной группы использовали парафразу с «определенным статусом» слушающего. Статус является определенным, так как условное выражение – это парафраза предложения с обращением, которое в принципе оказывается наименованием конкретного референта. В дискурсе проповеди наблюдается следующая закономерность. Если высказывание как условный иллокутивный акт приемлемо, то оно нацелено на адресата. Если высказывание условного иллокутивного акта неприемлемо, то оно нацелено на участника.

(18) **Христианин!** *Отрадно тебе слышать, сколь ты высок, и сколь высокая надежды просияют сквозь мрак гроба: но елико ты высок, толико смирайся, – смирайся пред Богом и человеками* [5, с. 24].

(18а) *Если ты слушающий, и ты высок, то, как бы ты ни был высок, смирайся.*

(18б) *Если ты не слушающий, то к тебе это не относится.*

Высказывание (18б) неприемлемо для ситуации проповеди, так как даже случайные слушающие не могут считать себя свободными от выполнения прескрипций, подобных в (18). Пример (18) и другие подобные позволяют сделать вывод, что в проповеди все высказывания с обращениями нацелены на участников.

Если попытаться применить указанный способ анализа к высказываниям из других стилей, то оказывается, что условный анализ дает приемлемые выражения. Пример (14), который был приведен выше, из обычного языка (из разговорной речи).

(14) **Дети, закройте окно.**

(14а) *Если вы дети, закройте окно.*

(14б) *Если вы не дети, то к вам это не относится.*

Пример (19) из поэтической речи⁴, и хотя его трансформы стилистически ограничены, в семантическом отношении они не являются неприемлемыми.

(19) *О милый гость, святое Прежде, / Зачем в мою теснишься грудь* (В.А. Жуковский).

(19а) *Если ты милый гость, то зачем в мою теснишься грудь.*

(19б) *Если ты не милый гость, то к тебе это не относится.*

Таким образом, в примерах (14), (19) из разговорного и поэтического текстов получатели речи – это адресаты.

Предлагаемый подход имеет последствия для оценки других, выделяемых в литературе, возможных статусов получателей речи в религиозном дискурсе.

³ «Речевой контекст или ко-текст... используется в первую очередь в лингвистике текста, а также в разговорном анализе и дискурсе-анализе (в узком смысле)» [12, с. 147].

⁴ Пример из: [10, с. 340–341].

Так, в [2] адресатами названы верующие и атеисты. Однако анализ показывает, что по крайней мере в православной проповеди говорящий не делит аудиторию по этому признаку. Все примеры типа (20а)–(20б) свидетельствуют, что сказанное говорящим не может относиться к одним людям и не относиться к другим, а говорящий не воспринимает аудиторию по признаку воцерковленности.

(20) *На суде Божиим, который сотворит Господь во втором Своем пришествии, каждый получит заслуженное* [4, с. 10].

(20а) *Если ты верующий, то получишь заслуженное.*

(20б) *Если ты атеист, то к тебе это не относится.*

Примеры типа (20) показывают также и то, что адресованные высказывания в дискурсе проповеди не содержат момент субъективности в оценке получателя речи. Они не связаны с прагматическим контекстом и конкретным говорящим как носителем определенных психологических (воля, эмоции, мнение) и (отчасти) социальных характеристик. Такой вывод подтверждается также примерами типа (21)–(22), из которых видно, какими речеактовыми свойствами обладают предложения в дискурсе проповеди. Мы используем анализ речеактовых свойств предложений, потому что характер речевого акта, который может и должен совершить говорящий при употреблении данного типа предложений в качестве своих высказываний, объективно отражает природу речевого общения между говорящим и слушающим. Материалом в данном месте служат адресованные изъяснительные предложения. В языке проповеди на их базе, почти без исключений, образуются высказывания, в которых придаточные ведут себя так же, как подчиненные предикации при фактивных глаголах, т.е. придаточная часть представляется как истинная сама по себе [6, с. 305]. Это иллюстрирует (21а):

(21) *Мы видим, что многие из грешников, принеся покаяние, достигли в высшей степени христианского совершенства* [5, с. 172].

(21а) *Многие из грешников, принеся покаяние, достигли в высшей степени христианского совершенства.*

Выражения из (21а) аналогичны выражениям с референцией к факту. Они позволяют представить придаточные группы в виде обоих типов номинализаций, как полных, так и неполных. Ср.: *Достижение многими грешниками... высшей степени христианского совершенства; То, что многие грешники достигли высшей степени христианского совершенства.* Именно такие преобразования показывают, что данные выражения имеют референцию к факту, а не к событию или пропозиции. На основе сходства сочетаемых и семантических свойств фактивных предикатов и иллокутивных глаголов можно определить синонимичный фактивным предикатам иллокутивный глагол. Это глагол *Сообщать*, который во многих контекстах способен заменить фактивный предикат, не разрушая семантического эффекта исходного выражения.

(21б) *Сообщаю, что многие из грешников, принеся покаяние, достигли в высшей степени христианского совершенства.*

Если же заменить фактивный предикат на экспозитив *считать/полагать*, описанная связь исчезает.

(21в) *Считаю (полагаю), что многие из грешников, принеся покаяние, достигли в высшей степени христианского совершенства.*

Выражения типа (21в) обладают прямыми субъективными коннотациями и как таковые в дискурсе проповеди невозможны, так как адресат должен тогда верить интеллектуальным представлениям конкретного говорящего, а не догматам церкви. Таким образом, из потенциальных речеактовых свойств изъяснительного предложения в дискурсе проповеди может быть реализовано только одно – 'Сообщение'. Исходя из этого вывода, следует заключить, что такими же речеактовыми свойствами обладают предложения с непропозициональными (субъективными) значениями, например долженствующие, широко представленные в проповедях. Мы утверждаем, что так оно и есть: в проповеди предложения с непропозициональными значениями функционируют как сообщения. Это показывают нижеследующие примеры (22а)–(22б).

Анализируя их, мы определяли тип иллокутивного глагола, используя методику исследования семантики пропозициональных глаголов, предложенную Е.В. Падучевой [16]. Согласно этой методике, одни глаголы способны подчинять косвенный вопрос, другие не способны. Косвенный вопрос подчиняют глаголы с компонентом «знание» в своей семантической структуре. Глагол *сообщать* входит в эту группу [3], экспозитивы (*полагаю/утверждаю/считаю*) не входят. В качестве глагола пропозиционального отношения, сочетающегося с косвенным вопросом, мы представляем иллокутивный глагол. В долженствующих высказываниях перформативом следует считать глагол *сообщаю*, так как высказывания с экспозитивом семантически неправильны.

(22) *Братия и сестры, увещание и остережение Крестителя весьма нужно и для нас* [5, с. 41].

(22а) *Братия и сестры [я полагаю/утверждаю/считаю], нужно ли и для нас увещание и остережение Крестителя.*

(22б) *Братия и сестры [я сообщаю], нужно ли и для нас увещание и остережение Крестителя.*

Заключение

Мы рассмотрели семантику высказывания в связи с фигурой адресата в дискурсе русской православной проповеди. Этот аспект семантики высказывания предполагает выявление иллокутивного значения высказывания. Его анализ позволяет сделать вывод, что из всех потенциальных речеактовых свойств типов предложений, которые используются в проповеди, может быть реализовано только одно – 'Сообщение'. Этот вывод распространяется и на предложения с непропозициональными (субъективными) значениями, например долженствующие, которые широко представлены в проповедях. Адресованные высказывания в проповедях характеризуются специфическим перлокутивным эффектом: они направлены на любых слушателей, в том числе и на третьих лиц. Эта роль слушающих получает объяснение только в терминах дискурса и не связана со стилистическим и коммуникативным аспектами изучения языкового употребления.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–367.
2. Бобырева, Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Бобырева Е.В. – Волгоград, 2007.
3. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С. 251–275.
4. Владимир, (Иким) (митрополит). Врата покаяния: Слова, произнесенные в разные годы в период пения Триоди постной / Владимир (Иким) (митрополит). – Москва: Сибирская Благовонница, 2009.
5. Григорий (архиепископ Казанский и Свияжский). Слова или беседы на все воскресные и праздничные дни в году, с присовокуплением слов и речей на некоторые особенные случаи, сказанные синодальным членом, Григорием Архиепископом Казанским и Свияжским / Григорий (архиепископ Казанский и Свияжский). – Санкт-Петербург, 1853. – Т. II.
6. Карттунен, Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением / Л. Карттунен // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С. 303–332.
7. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – Москва: Прогресс, 1999.
8. Кирилл, (Павлов) (архимандрит). Ищите прежде Царствия Небесного: Проповеди / Кирилл (Павлов) (архимандрит). – Москва: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000.
9. Кларк, Г.Г. Слушающие и речевой акт / Г.Г. Кларк, Т.Б. Карлсон // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 270–321.
10. Кручинина, И.Н. Обращение // Лингвистический энциклопедический словарь / И.Н. Кручинина. – Москва: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 340–341.
11. Крылова, О.А. Церковно-религиозный стиль / О.А. Крылова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – С. 612–616.
12. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – Москва: Гнозис, 2003.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 20.06.2015).
14. Николай, (митрополит). Слова и речи / Николай (митрополит). – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 1957. – Т. II–IV, Т. 4.
15. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка) / Е.В. Падучева. – Москва: Наука, 1974.
16. Падучева, Е.В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Избранное. 1985–1995. – Москва: Индрик, 2003. – С. 68–78.
17. Падучева, Е.В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – Москва: Языки русской культуры, 1996.
18. Переверзев, К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка / К.А. Переверзев // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5. – С. 24–52.
19. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 34–72.

Рецензенты: Л.Г. Яцкевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

С.А. Громько, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

V.A. Burtsev

LISTENERS AND SPEECH ACTS IN DISCOURSE

This article deals with the methods of statements interpretation from the point of view of a speaker and a recipient in the religious discourse. The paper reveals the repertoire of illocutionary speech acts addressed to the participants of religious communication; the concept of admissibility of the statements at the level of discourse is defined; the role of communication status of the participants in a situation of Orthodox preaching is analyzed. Contrary to popular belief about the subjectivity of the speech act, the description of illocutionary values of statements involves the notion of context, a speaker and an addressee, which refers to conventions and social norms and doesn't link to specific pragmatic conditions of language using. It is concluded that there are speech acts which aim not at individual communicators but all the participants of the communicative situation. The article highlights another important point: illocutionary difference between sentences with propositional and unpropositional values can be erased in the discourse.

Addressee, speaking person, discourse, communication, statement subjectivity, speech act, illocutionary meaning, Orthodox preaching.